

И сами легли на него.
 Белые вдовы в облаке дыма скрывались,
 Чтобы ускорить приход
 Книги единой,
 Чьи страницы большие моря,
 Что трепещут крылами бабочки сипей,
 А шелковинка — закладка,
 Где остановился взором читатель...
 Род человечества — книги читатель.
 И на обложке — надпись творца,
 Имя мое, письма голубые.
 Да, ты небрежно читаешь,
 Больше внимания,
 Слишком рассеян и смотришь лептлем.
 Точно уроки закона божия,
 Эти черные цепи и большие моря.
 Эту единую книгу
 Скоро ты, скоро прочтешь.
 В этих страницах прыгает кит
 И орел, огибая страницу угла,
 Садится на волны морские, груди морей,
 Чтоб отдохнуть на постели орлана.

(«Единая книга», стр. 416—417).

Все эти стихотворные фрагменты содержат в себе варианты общего образного мотива «мир как книга», восходящего к образному субстрату «слово как жизнь». Представление о мире — книге, которое в средние века было общим достоянием христианской Европы независимо от религиозных различий, основывается на отождествлении идеи «Слова божия» и «Слова» как первоэлемента знания. По Писанию, слово, как атрибут бога, обладает реальной мощью. «Слово господне, которое исходит из уст его, не возвращается к нему пустым, не исполнив того, что ему угодно».³¹ Кроме того, слову божью присуще конкретное содержание, и поэтому оно выполняет посредническую функцию между богом и людьми. Воплощение слова — Иисус, дева Мария; носители его — пророки и апостолы. Слово судит мир, и носители слова призваны быть судиями: им дано вязать и разрешать.

В средние века и затем в эпоху барокко не раз совершалось отождествление «Слова божия» и «Слова» как такового. Поскольку «вначале было слово, и слово было мир, и мир был слово», все компоненты мира — слова, а сам мир — совокупность слов, т. е. книга. В стихотворении Симеона Полоцкого «Мир—книга», знаменательном уже по сходству названий, развита та же идея, что и в стихотворении Хлебникова «Единая книга».

Мир сей пресукрашенный — книга есть велика,
 еже словом написа всяческих владыка.
 Пять листов препространных в ней ся обретают,
 яже чудна писмена в себе заключают.
 Первый же лист есть небо, на нем же светила
 яко писмена, божия крепость положила.
 Второй лист огнь стихийный под небом высоко,
 в нем яко писания силу да зрит око.
 Третий лист преширокий аер мощно звати,
 на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.
 Четвертый лист — сонм водный в ней ся обретает,
 в том животных множество удобь ся читает.
 Последний лист есть земля с дресвы, с травами,
 с крушцы и животными, яко с письменами...

(«Вертоград многостетный»).

³¹ С. Н. Трубецкой. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906, стр. 255.